

Со Станиславом Васильевичем Тютюкиным я познакомилась в 2000 г. на конференции в Уфе, где ему, главному редактору журнала «Отечественная история», предстояло провести встречу с читателями. Тем не менее он слушал все доклады, задавал много вопросов и произвёл неизгладимое впечатление как модератор «круглого стола». Не удивительно, что находившиеся там надолго запомнили это событие и советы Станислава Васильевича (с. 683, 701). Мне же было особенно лестно получить его предложение прислать статью в «главный» журнал российских историков. В частных беседах поражало, насколько хорошо и детально он, специалист по истории начала XX в. и российской социал-демократии, знал события первой половины XIX в. Интересовал его и XVIII в.

Уже отмечалось, что Тютюкин был «на голову выше своего окружения»¹ (с. 676, 677, 681). Составители сборника его трудов предложили читателям свыше 30 статей, рецензий и выступлений 1966–2014 гг. Иногда сюжеты повторяются, словно бы демонстрируя, что автор, невзирая на политическую конъюнктуру и историографическую «моду», действительно всегда оставался верен себе.

Книга состоит из четырёх разделов. В первом из них, посвящённом теоретическим и методологическим проблемам, выделяются размышления

1982 г. о статье В.И. Ульянова (Ленина) «О лозунге Соединённых Штатов Европы». Идея подобного объединения, как отмечает автор, уходит корнями в эпоху Возрождения, а сам термин появился благодаря президенту Дж. Вашингтону, мечтавшему об образовании на противоположном берегу Атлантики демократической конфедерации европейских стран. На протяжении всего XIX и начала XX в. этот лозунг повторялся самыми разными мыслителями, политиками и историками, развивавшими порой противоположные — от гегемонистских до пацифистских, от либеральных до социалистических — замыслы и проекты. Тютюкин, в лучших традициях историографии, привлёк к анализу «узкой», как может показаться, темы громадное количество неизвестных ранее работ и источников, отметив, что Ленин опирался как на собственные представления о реалиях империализма, так и на известные ему планы переустройства Европы и мира (с. 43)².

Особое внимание Тютюкин уделял проблемам европейской и российской модернизации. При этом он был далёк от легковесных восторгов по поводу её «достижений», напоминая в 2004 г., что к началу XX в. не только «стали очевидны серьёзнейшие изъяны в функционировании капиталистической экономики», но «недостаточно эффективной оказалась и система парламентской демократии

* Станислав Васильевич Тютюкин. Избранные труды / Сост. И.С. Удальцов, В.Л. Телицын, В.В. Шелохаев, при участии М.И. Удальцовой. М.: Собрание, 2022. 718 с.

с её формализмом, демагогией, популизмом, коррупцией, явно не обеспечивающая ни реального участия народных масс в управлении обществом, ни принятия оптимальных решений и нужных законов» (с. 71). К настоящему времени эти представления в значительной мере подтвердились.

Раздел «Общественная мысль и социальные движения в России» охватывает период от движения декабристов и царствования Николая I до 1917 г. Учёный не идеализировал политику Романовых. К примеру, в реформах М.М. Сперанского ему виделась «странная гипотетическая смесь абсолютизма и элементов правового государства» (с. 189). Не менее критично оценивал он в 2000 г. и личность Николая I. Как писал Тютюкин, этот «красавец двухметрового роста», которого готовили к военной карьере, управлял Россией соответственно, а «его идеалом была образцовая казарма». Обладая огромной работоспособностью и здравым смыслом, император вместе с тем отличался «безграничной самоуверенностью, прямолинейностью мышления и поступков, ограниченностью кругозора» (с. 195). Его попытки «подтянуть» Россию к Европе, стремление к «максимально возможной централизации государственного управления и наивная вера в то, что у него хватит сил и способностей лично контролировать все стороны жизни российского общества», привели к печальному результату: за блестящим европейским фасадом империи скрывались «нищета народа, отсутствие элементарного порядка и вопиющее казнокрадство» (с. 196). В результате его правление ускорило крах крепостнической системы.

По мнению Станислава Васильевича, последний шанс императорского режима был связан с Первой мировой войной. Однако «патриотические чувства не получили в России необхо-

димой “подпитки” в виде более или менее равномерного распределения тягот войны между различными социальными слоями», и в итоге «бездарная власть» рухнула в пропасть, а «обезглавленная страна..., в одночасье потерявшая все свои традиционные социально-политические и нравственные “скрепы”, закономерно сползла в марте—октябре 1917 г. к анархии, в недрах которой незаметно вызревали предпосылки для нового диктаторского режима» (с. 183, 184).

Особый раздел, посвящённый политическим партиям начала XX в., включает ряд критических очерков, в которых в основном речь идёт о либералах и социалистах. В 2005 г. Тютюкин писал о многопартийности как о «новой моде», получившей распространение в годы Первой российской революции. При этом он отмечал, что «эмоции и амбиции партийных лидеров, стремление не отстать от политических конкурентов и так или иначе “отметиться” на общественной арене превышали разумные потребности российского общества» (с. 395). Действительно, политика строилась тогда отнюдь не на рациональных основаниях, чему мешала своего рода «эмоциональная перенасыщенность» социального пространства³.

Станислав Васильевич по-своему показал это, проследив жизненный путь некоторых заметных фигур отечественной истории. Он хорошо знал особенности и опасности биографического жанра, не впадал в «разоблачительный» тон и умело избегал какой-либо апологетики, проявляя интерес к таким сложным и неоднозначным личностям, как Александр I, М.М. Сперанский, Ю.О. Мартов, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Г.В. Чичерин, В.И. Ульянов (Ленин), Г.В. Плеханов, А.Ф. Керенский⁴.

Пытаясь раскрыть «феномен крепостного театра как большую

специальную тему» (с. 609), Тютюкин погрузился в историю любви гр. Н.П. Шереметева и актрисы его домашнего театра П.И. Ковалёвой-Жемчужовой, которая «переросла... в настоящую социальную драму героев, где на одной чаше весов были простые человеческие чувства и духовное единение двух незаурядных творческих натур, а на другой — сословные предрассудки, нормы религиозной морали и так называемое общественное мнение» (с. 606). Получился живой (но вполне научный) рассказ о сценической и вокальной карьере простой крестьянки, некогда поразившей своим талантом не только Екатерину II, Павла I и польского экс-короля Станислава Понятовского, но и «одного из самых завидных женихов России», обладателя 210 тыс. крепостных, сочетавшегося с ней законным браком (с. 610–611). Ковалёвой «облагородили» родословную, превратив её в дочь польского шляхтича «Ковалевскую»; через три года после венчания она родила мальчика, а 20 дней спустя умерла от туберкулёза. В память о покойной жене граф построил в Москве Странноприимный дом, завещав сыну Дмитрию всегда помнить, «что он принадлежит Богу, государю и Отечеству» (с. 616). Дмитрий Шереметев, «красивый, романтический и религиозный», увлёкся впоследствии известной петербургской балериной Авдотьей Истоминой (воспетой А.С. Пушкиным), однако сослуживцы отговорили его тогда от заключения брака. В 1837 г. Шереметев-младший женился на своей дальней родственнице Анне Шереметевой, отдалился от двора, вышел в отставку в связи с «повышенным “вниманием” Николая I к своей жене» и занимался благотворительной деятельностью (с. 614–619).

Делая эти биографические зарисовки, Станислав Васильевич показы-

вал, до какой степени судьбы видных людей зависели от «отеческой» власти, которая подобно всей мыслящей России страдала от разлада «между книжным знанием и живой жизнью» (с. 596). Не случайно так и не сложился реформаторский союз «Александр I и М.М. Сперанский», хотя оба они «нащупали правильную технологию будущих реформ». Однако «власти нужен был лояльный, покорный и “управляемый” интеллект» (с. 594). В этом было что-то роковое для России: казалось бы, «верховная власть должна работать на опережение вызовов времени», но на деле всякий раз происходило нечто противоположное (с. 605).

Это заметно и в судьбе другого реформатора — С.Ю. Витте, хотя он едва ли мог составить «реформаторский тандем» с Николаем II, сильно уступавшим по интеллекту не только Александру I, но и Николаю I. Россия вступила в XX в. в условиях «острейшего конфликта между властью и обществом», вылившегося в революцию 1905–1907 гг. Заключив Портсмутский мир, завершивший неудачную русско-японскую войну, Витте многим представлялся «настоящим спасителем Отечества» (с. 587). На деле же, убедив царя подписать Манифест 17 октября 1905 г., он лишь «выручил» (причём всего на 12 лет) правившую династию. Примечательно, что последний российский император — ещё более боязливый и мнительный, чем Александр I, — «с чувством глубокого облегчения» подписал прошение главы своего правительства об отставке (с. 593). Тютюкин отнюдь не идеализировал Витте и не скрывал, что этот действительно незаурядный сановник был «карьеристом и интриганом», действовавшим по правилам своего времени (с. 588). Но он «смотрел в будущее и работал — как умел и как позволяли ему обстоятельства — для

того, чтобы превратить Россию в могучее, процветающее, цивилизованное, правовое государство» (с. 593).

Очевидно, что неудачи реформ по-своему стимулировали революционеров. Как показал в 1991 г. Тютюкин, того же Троцкого, мечтавшего в детстве стать инженером или учёным, «бунтарём» сделала сама действительность: он органически не принимал авторитаризма, кто бы его ни проявлял — преподаватель училища, Плеханов или Ленин. Историк выступил против прочно засевшего в исследованиях советского времени представления о том, что троцкизм — это «злейший враг ленинизма, разновидность меньшевизма» (с. 534). Фактически события 1917 г. разворачивались по сценарию «перманентной революции», хотя, «выдавая желаемое за действительное, Троцкий явно ускорял в своём разгорячённом воображении ход мирового революционного процесса» (с. 535). Сказывалась и склонность Троцкого к театральным жестам: 18 октября 1905 г. он демонстративно разорвал на митинге в Петербурге текст царского манифеста, а затем, отвечая на телеграмму Витте к «братцам-рабочим», заявил, что рабочие ни в каком родстве с графом не состоят и «мириться» с ним не желают (с. 539). Июльские события 1917 г. сблизили его с вождём большевиков (с. 555), а в октябре «имена Ленина и Троцкого были самыми популярными», и «ещё никто не мог предугадать, что будет 10–20 лет спустя» (с. 560).

Тютюкин вникал в мотивы поведения самых разных политиков, стараясь разглядеть их как «со стороны», так и «изнутри». Для историка было важно, к примеру, то, что Мартов обладал «специфической» внешностью — «прихрамывал, немного заикался, ходил как-то сгорбившись, непрерывно размахивал руками, много курил», но при этом «его недаром

называли совестью меньшевизма, ибо ему претили обман, моральная нечистоплотность, дешёвый популизм» (с. 583). Революционером его сделало прежде всего обострённое чувство справедливости. Кстати, именно Мартову принадлежал план возвращения революционеров-интернационалистов в Россию через Германию, хотя первыми его предложением воспользовались большевики, а сам он и ещё 200 социалистов прибыли в Петроград таким же способом позднее — 9 мая 1917 г. (с. 585). В октябре 1917 г. Мартов пытался «найти мирный выход» из кризиса, однако «его не слушали ни Керенский, ни Ленин с Троцким, ни лидеры меньшевистско-эсеровского блока, ни восставшие рабочие, солдаты и матросы» (с. 586). История идёт своим путём, и Станислав Васильевич это хорошо понимал.

Завершают книгу воспоминания российских, американских и японских историков. Их отзывы о Станиславе Васильевиче созвучны словам И.С. Удальцова: «Он был воплощением учёного человека и человеческого учёного» (с. 707). Исследователей разных поколений впечатляли не только работы Тютюкина, но и масштаб его личности. Но на фоне таких, порой трогательных, высказываний выделяются тексты профессоров В.Н. Казарина (с. 684–695) и В.Ю. Карнишина (с. 696–698), обративших внимание на то, что отдельные реплики и комментарии, которые звучат на семинарах, в лекциях и частных беседах, и, разумеется, не протоколируются, сохраняясь лишь в конспектах студентов и цепкой памяти слушателей, содержат ценнейшие мысли и наблюдения, по разным причинам не нашедшие продолжения в публикациях.

Книгу украшает вкладка с фотографиями и юношескими рисунками С.В. Тютюкина. Что и говорить: талант многогранен!

Примечания

¹ Булдаков В.П. Быть историком... (Вспоминания С.В. Тютюкина) // Всегда оставался верен себе: сборник статей памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М., 2021. С. 35.

² В статье особо упоминались Дж. Мадзини, В. Гюго, П. Ренувен, А. Альбонетти, не говоря уже о К. Каутском.

³ Подробнее см.: *Suny R.G. Thinking about Feelings: Affective Dispositions and Emotional Ties*

in Imperial Russia and the Ottoman Empire // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb, 2011. P. 102–124; Buldakov V.P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196–230.

⁴ См., в частности: *Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012.*

Сергей Войтиков

Станислав Васильевич Тютюкин в трудах и воспоминаниях современников*

Sergey Voitikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Stanislav Vasilyevich Tyutyukin in the writings and memoirs of his contemporaries

DOI: 10.31857/S2949124X24050176, EDN: SJSPCK

В 2022 г. друзья, родственники и коллеги С.В. Тютюкина выпустили солидный сборник его трудов, вышедших в разных изданиях в течение полувека. Он, безусловно, поможет современным исследователям осваивать творческое наследие Станислава Васильевича. В книгу вошли 32 статьи, распределённые по четырём разделам — «Теоретические и методологические проблемы», «Общественная мысль и социальные движения в России», «Политические партии в России» и «Биографии».

Открывающая сборник статья «К вопросу о “революционном шовинизме” в годы Первой мировой войны», впервые опубликованная в 1968 г., была совершенно новаторской для того времени. С подачи В.И. Ульянова (Ленина) «революционерами-шовинистами» большевики называли «тех, кто хочет победы над царизмом

для победы над Германией, — для грабежа других стран, — для упрочения господства великороссов над другими народами России и т.д.». При этом считалось, что «основа революционного шовинизма — классовое положение мелкой буржуазии», которая «всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом» (с. 11). Между тем поражения русских войск, как показал Станислав Васильевич, вызвали «синтез революционно-демократического и стихийно-“патриотического” элементов массового движения, нашедший выражение в процессе перерастания социал-шовинизма меньшевиков и эсеров в революционный шовинизм, что в свою очередь сыграло важную роль в известном расширении влияния мелкобуржуазных партий на народные массы России в ходе войны» (с. 12). Ленин писал эсеру П.А. Александровичу, что в России в то время

* Станислав Васильевич Тютюкин. Избранные труды / Сост. И.С. Удальцов, В.Л. Телицын, В.В. Шелохаев, при участии М.И. Удальцовой. М.: Собрание, 2022. 718 с.